

И. А. Подольный
Вологда

УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ

В жизни я не любил две вещи: лжу и ржу.
С. А. Балезин

Впервые я встретился с профессором С. А. Балезиным в 1962 г., когда приехал в Москву поступать в аспирантуру. Первое впечатление о нем показалось необычным.

Небольшого роста коренастый человек с крупными чертами лица. Волевой подбородок и морщины, то появляющиеся над бровями, то вовсе исчезающие. Большой лоб, как-то незаметно смыкающийся с убегающей далеко назад лысиной, наконец, модная, но уже выдавшая виды кожаная курточка заядлого автомобилиста — все это делало Степана Афанасьевича внешне похожим скорее на крепкого хозяйственного руководителя большого масштаба, чем на интеллектуала-ученого.

Но вот на этом лице появляется улыбка, спрятанная в уголки маленьких глаз, вот он начинает говорить с тобой, и первое впечатление резко меняется. Язык богатый, образный. Тон доброжелательный, но вопросы неожиданные, заставляющие собеседника задумываться, раскрываться. И никаких менторских ноток. Взгляд оценивающий и вместе с тем ободряющий. У нового человека в его обществе быстро проходит чув-

ство скованности, робости, и он включается в свободный, откровенный диалог.

Некоторые черты его характера раскрылись для меня со временем. В общении с людьми любого ранга он оставался самим собой. А особый его смех, прерывистый, слегка хихикающий на высоких нотках, никого не мог оставить равнодушным. Степан Афанасьевич умел ценить шутку и сам хорошо подмечал смешное в жизни. С годами наше служебное знакомство переросло в дружбу между семьями.

Степан Афанасьевич неоднократно приезжал в Вологду, выступал перед студентами и преподавателями пединститута, где все члены кафедры химии и сами учились, а потом и студентов обучали по его книгам.

В 1988 г. вместе с коллегами из МПГУ и Александром Степановичем Балезиным мы издали в «Научно-биографической серии» московского издательства «Наука» книгу о профессоре Балезине. Теперь мне хочется добавить к тому еще несколько фрагментов из воспоминаний самого Степана Афанасьевича.

Однажды мы случайно оказались возле

Московской хоральной синагоги на улице Архипова. Посмотрев на старых людей, выходящих из синагоги, Степан Афанасьевич многозначительно улыбнулся и произнес: «Да! А ведь могло обернуться все иначе!» Уже когда мы сели в машину, он рассказал мне, что на первых шагах советского атомного проекта возник вопрос: где следует собирать первый экспериментальный атомный реактор?

Представления о степени опасности и мерах предосторожности в атомных исследованиях в ту пору еще не сформировались, но Игорь Васильевич Курчатов предложил поискать здание с особо крепкими стенами. Втроем, Курчатов, Балезин и генерал, отвечавший за секретность проекта, объехали всю Москву и, не найдя подходящего помещения, возвращались к зданию ЦК ВКП(б) на Старой площади.

Почти случайно они зашли в здание синагоги. Игорь Васильевич словно ожил: «Здесь будем ставить реактор! Я нигде не видел таких каменных стен: они что угодно выдержат!» Но буквально на дыбы встал генерал: «Помилуйте! Да как же я здесь смогу обеспечить секретность объекта? Придется выселять целые кварталы в самом центре Москвы!»

Жесткая позиция генерала победила: пришлось выносить площадку на пустырь за станцию метро «Сокол», подальше от людских глаз, туда, где теперь расположен Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова. От синагоги же до ЦК, до Политехнического музея было пять минут хода, а до Кремля — десять. И ведь такое соседство с атомным реактором могло случиться! Через множество лет в журнальных воспоминаниях Сергея Васильевича Кафтанова, возглавлявшего в те времена Высшую школу и отдел науки Госкомитета Обороны, я встретил упоминание об этом эпизоде.

За участие в организации атомного проекта С. А. Балезин был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С И. В. Курчатовым С. А. Балезин встретился еще раз. Когда в конце 40-х гг. гонения на противников учения Т. Д. Лысенко

усилились, Степан Афанасьевич решил побеседовать с Курчатовым. Он позвонил по одному из оставшихся с цеховских времен телефону, и после долгих расспросов его соединили с Игорем Васильевичем. Попросил о встрече, на что получил ответ: «Мне к тебе легче попасть, чем тебе ко мне. Ну, так жди вечером!»

Вечером Степан Афанасьевич увидел, что к подъезду подъехали три черных автомобиля. Из каждой вышло по человеку, но в квартиру вошел только Игорь Васильевич. Разговор длился около часа, вспоминали трудные военные времена... И ни слова о работе, где у Степана Афанасьевича появились свои сложности. Через час Игорь Васильевич поднялся, сказал, что должен поспешить. Утощение так и осталось нетронутым: гость сослался на нездоровье.

Тяжелую ночь провел Степан Афанасьевич: нужно было понять, почему Игорь Васильевич не захотел говорить о работе. На завтра раздался телефонный звонок: «Игорь Васильевич приносит свои извинения, но он находится не в Москве. Он просит узнать: касается ли Ваш вопрос Вашей работы?» Через пару часов позвонили снова: «Степан Афанасьевич, Вы можете работать на своем месте и ничего не опасаться. Игорь Васильевич с Вами свяжется».

Больше им встретиться не удалось, но в кабинете Степана Афанасьевича на стене всегда висела фотография И. В. Курчатова.

Другой рассказ Степана Афанасьевича я припомнил тогда, когда читал чрезвычайно интересную книгу почетного профессора МГУ В. Н. Сойфера «Власть и наука». В ней прослеживается вся хронология разгрома генетики в СССР, история взлета и падения лысенковщины в России. На определенном этапе исследования Сойфер приходит к выводу о том, что в 1947 г. позиции Лысенко в науке заметно ослабли. В аппарате отдела науки ЦК многие сотрудники понимали губительную роль Т. Д. Лысенко в развитии биологии и сельского хозяйства. Хорошо известен доклад заведующего отделом науки ЦК Ю. А. Жданова, сделанный им на семинаре в Политехническом музее 10 апре-

ля 1948 г., в котором он резко восстал против попыток превратить научный спор в политическую кампанию травли определенных научных школ. Вместе с тем В. Н. Сойфер справедливо пишет о том, что работа всех отделов ЦК всегда проходила в условиях секретности, и до полного рассекречивания архивов будет трудно понять взаимоотношения Лысенко с лидерами партии.

Вот тут-то в памяти всплыл еще один рассказ Степана Афанасьевича. В 1944 г. он стал заместителем заведующего отделом высших учебных заведений и научных учреждений Управления кадров ЦК ВКП(б). Будучи связанным с видными советскими генетиками личной дружбой и имея доступ к неопубликованным работам В. П. Эфроимсона и А. А. Любищева, документально разоблачившим факты очковтирательства и фальсификации в работах Т. Д. Лысенко, Степан Афанасьевич по согласованию с Ю. А. Ждановым решил пригласить Лысенко на беседу в ЦК. Постараюсь восстановить рассказ Степана Афанасьевича так, как я его запомнил.

Встретив Т. Д. Лысенко по всем правилам этикета уже в приемной и пригласив его в кабинет, Степан Афанасьевич усадил гостя не за официальный стол, а в глубокое черное кожаное кресло, традиционное для высших партийных инстанций тех лет. После самой успокаивающей стандартной беседы о здоровье и успехах Степан Афанасьевич задал ему всего один вопрос: «Я не биолог, но хотел бы по долгу службы лучше разобраться в научных разногласиях двух направлений в биологической науке, о которых Вы не раз говорили. Я хотел бы выслушать Вашу точку зрения».

«И тут, — рассказывал профессор Балезин, — произошло нечто неожиданное. Лысенко вскочил, в его глазах заблестел безумный огонь. Он буквально закричал: «В России нет и не может быть двух направлений в биологической науке. Есть только одно — марксистско-ленинское, мичуринское, материалистическое направление, представителем которого являюсь я — беспартийный большевик Трофим Лысенко!» С этими сло-

вами он выскочил из кабинета, так стукнув дверью, что даже вымуштрованная цеховская секретарша заглянула, чтобы узнать, что же произошло.

«Вместе с Ю. А. Ждановым, — рассказывал профессор Балезин, — мы еще раз пришли к заключению, что имеем дело с опасным маньяком в науке, которого нельзя допускать к ее руководству. Но могли ли мы предположить, что, минуя наши отделы, Лысенко передаст Сталину свое печально знаменитое письмо? Еще меньше мы могли думать о том, что его поддержит Вождь...»

Через многие годы мне довелось встретиться с ректором Ростовского университета профессором Ю. А. Ждановым. Факт такой беседы Степана Афанасьевича с Т. Д. Лысенко он хорошо помнил и грустно заметил: «Все мы по молодости делали слишком много ошибок...» Воспоминание это было для него, как мне показалось, не самым приятным, поэтому от дальнейших расспросов я воздержался.

Личная негативная позиция Степана Афанасьевича по отношению к Лысенко привела к тому, что он и после знаменитой сессии ВАСХНИЛ отказался выступить с критикой генетики как науки на каком-то партийном активе. Пришлось расстаться с высокой цеховской должностью и вернуться на педагогическую работу.

Еще хочу рассказать, каким научным руководителем был Степан Афанасьевич. Впервые, у него было особое чутье на хороших людей. Ошибки в людях, которых он брал на кафедру, наверное, бывали, но редко: как правило, новые аспиранты вписывались в дружный коллектив и укладывались в намеченные для исследований сроки. Одновременно на кафедре занималось до двадцати аспирантов, поэтому практически во всех педагогических вузах Советского Союза можно встретить «птенцов гнезда Балезина». Фактически весь характер и содержание профессиональной подготовки учителей химии в России определялся методической комиссией Министерства просвещения, которую возглавлял С. А. Балезин.

Во-вторых, у Степана Афанасьевича

было особое чутье на теоретически и практически важные темы, которые он предлагал в качестве диссертационных. Среди работ, вышедших из лаборатории профессора Балезина, было мало таких, которые бы не нашли своего признания в научном мире и практического приложения в промышленности.

В-третьих, как научный руководитель Степан Афанасьевич всегда был генератором новых научных идей и вместе с тем очень внимательно относился к самостоятельным исканиям своих аспирантов. Было у профессора правило, которое не все верно понимали. Большинство аспирантских публикаций выходило в свет в совместном авторстве с научным руководителем. Не надо говорить о том, что аспирантские научные идеи всегда разрабатывались под руководством Степана Афанасьевича. Не говорю и о том, что он мастерски редактировал все статьи. Однажды он прямо сказал: «Поймите: не мне нужна эта подпись, а аспирантам. Статьи пока еще никому не известных Иванова, Петрова, Сидорова могут пропустить, не заметить, а если там стоит в авторстве Балезин, специалист не пройдет мимо, прочтет и узнает и Иванова, и Петрова, и Сидорова... Закончат аспирантуру, и я никогда не подпишу свое имя под их самостоятельными работами. Пока же моя подпись — знак качества. И я, и мои аспиранты стремимся поддерживать его достаточно высоким».

В-четвертых, Степан Афанасьевич умел понять и поддержать людей в сложных условиях. Так, к нему обратился в свое время молодой учитель из далекой республики. Он просил принять его на учебу. Притом, что базовая химическая подготовка учителя была явно недостаточной, Степан Афанасьевич оценил его стремление к знаниям. И оказалось, что есть у этого человека и трудолюбие, и прекрасные организаторские способности, подкрепляемые внутренним научным чутьем, собранностью и удивительным личным обаянием.

Первым из воспитанников Степана Афанасьевича он стал академиком в одной из

союзных республик, руководителем крупных научно-исследовательских институтов.

О многом говорит и то, как Степан Афанасьевич общался с людьми, случайно встреченными на жизненных дорогах. Однажды он приехал по делам в Вологду. В воскресный день мы поехали на рыбалку. Машина, которая должна была приехать за нами, по дороге сломалась. Уже поздно к вечеру догнал нас на проселке тяжело груженный лесовоз. Несмотря на то, что водитель согласился подвезти нас до большой дороги. Профессору нашлось место в кабине, а я уселся верхом на бревнах. Вот и большая дорога, а машина не останавливается... Вот и склад, где нужно свалить бревна, а нас везут дальше. Только на остановке маршрутного автобуса лесовоз остановился. Из кабины выпрыгнул шофер, помог профессору выйти. Долго они жали друг другу руки, как давние приятели, попрощались, и лесовоз, с трудом развернувшись, уехал... «Хороший мужик! Правильный!» — только и сказал Степан Афанасьевич.

Прошел год с той неудачной рыбалки, и я поехал на подмосковную дачу к Балезиным. В поселке заблудился, спросил у слесаря, чинившего водопровод. «Конечно, знаю: это тот профессор, который вместе со мной трубы на даче менял. Хороший мужик! Правильный!» Во дворе за стелом сидела у самовара веселая незнакомая компания, оживившаяся при нашем появлении. «Только тебя и не доставало, — сказал профессор. — А ты что, не узнаешь старых друзей, земляков? Кто нас с тобой на лесовозе по вологодским дорогам возил? Хорошие мужики! Правильные!» Только тогда я узнал шофера и грузчика с того самого лесовоза. Оказывается, Степан Афанасьевич дал им свою визитную карточку и пригласил заезжать в гости, если будут в Москве.

Старый слесарь, оценив обстановку, как бы констатировал: «Ну, я же говорил, что на этой даче живут хорошие люди, правильные!» И в устах профессора, и в устах слесаря эти слова звучали как самая высокая оценка.

Практически все аспиранты были вхожи в этот гостеприимный дом, где делами за-

правляла исключительно добрая и удивительно заботливая супруга Степана Афанасьевича Тамара Иосифовна.

Врач-исследователь Тамара Иосифовна Балезина вместе с академиком Зинаидой Виссарионовной Ермольевой в 1942 г. впервые получила из оригинального плесневого гриба отечественный пенициллин. Позднее она участвовала в разработке отечественного интерферона.

По воскресеньям иногда аспиранты собирались на загородной даче Балезиных, и каждый по очереди готовил свои национальные блюда. А на кухне всем помогала чуть-чуть по-домашнему суетливая хозяйка. Там же на даче за грузинским шашлыком или вьетнамской курицей, тушенной в сухом

вине, порой находились самые нетривиальные решения некоторых научных проблем.

Иногда Степан Афанасьевич удивлял собравшихся то пушкинскими, то лермонтовскими стихами, редко цитируемыми, но очень точно приходившимися к месту в наших застольях.

И сегодня Тамара Иосифовна вместе с сыном, Александром Степановичем — доктором исторических наук, профессором МГУ, остаются хранителями домашнего кабинета музея Степана Афанасьевича. В нем есть уникальные экспонаты и документы нашего недавнего прошлого. Бывая в московских командировках, ученики Степана Афанасьевича стремятся навестить этот дом, чтобы снова ощутить его тепло. ■